

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ ИНДИИ В РАБОТАХ БРИТАНСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX в.

Рассматриваются основные подходы к определению целей и задач британской политики на северо-восточных рубежах Индии, которые нашли свое отражение в работах британских историков конца XIX в. Афганистан и Белуджистан играли важную роль в политике Великобритании в Центральной Азии на протяжении всего XIX в., поэтому британские историки уделяли особое внимание изучению англо-афганских войн и процессу присоединения земель пуштунов и белуджей к Британской империи.

Ключевые слова: историография Британской империи; Британская Индия; англо-афганские войны.

Вторая половина XIX в. была драматичным периодом в истории британской политики в Центральной Азии. Крымская война 1854–1856 гг. и Сипайское восстание 1857–1858 гг. в Индии оказали значительное влияние на состояние международных отношений в Азии и заставили британских авторов обратить пристальное внимание на изучение целей и задач британской политики в Центральной Азии и её роли для Британской Индии. Именно во второй половине XIX в. на фоне все более обостряющегося соперничества двух великих держав – России и Великобритании – и происходило становление британской историографии «Большой игры», что отразилось в работах британских авторов того времени. В отечественной историографии изучение основных идеологических концепций британской колониальной политики было поставлено «на широкую ногу». В 60–80-е гг. XX в. в Советском Союзе были опубликованы многочисленные работы, в которых были проанализированы цели и задачи британской политики в Британской Индии и сопредельных странах. Среди наиболее интересных и содержательных работ стоит отметить труды Ф.Х. Юлдашбаевой [1], Г.А. Хидоятова [2], Н.А. Халфина [3], Б.С. Маннанова [4], О.И. Жигалиной [5], М.Т. Кожекиной и И.Е. Федоровой [6]. Эти работы несли на себе отпечаток идеологического и геополитического противостояния между СССР и Западом. Сейчас, когда идеология не оказывает столь сильного влияния на историческую науку, возможен более взвешенный подход к оценке британской политики в Азии, в том числе и на северо-западных рубежах Индии в непосредственной близости от владений Российской империи. Однако геополитический аспект остался, и он влияет на позиции российских и британских авторов. Данная статья ставит перед собой задачу рассмотреть работы британских историков конца XIX в. с точки зрения их оценки тех целей и задач, которые стояли перед Великобританией в регионе на протяжении всего XIX в.

В 1857–1858 гг. в Индии разразилось Великое Сипайское восстание – крупнейшее антианглийское выступление за все время существования Британской Индии. В результате этого восстания, которое поставило под угрозу власть англичан в Индии, система управления Индией была реформирована. Ост-Индская компания была ликвидирована, должность генерал-губернатора упразднена, английская королева Виктория была объявлена королевой Индии, а вся реальная власть была сосредоточена в руках вице-короля. События в Индии стали причиной того, что в британском

обществе усилилось внимание к вопросам колониальной политики, так как англичане рассматривали Индию как ключевой элемент Британской империи. «Индийская империя подобна Римской в момент наибольшего расширения», поэтому «Индию можно... поставить наряду с европейскими государствами» [7. С. 201–202].

Значительное влияние на развитие британской историографии соперничества России и Великобритании в Центральной Азии оказало и общее состояние исторической науки в Европе в целом и в Великобритании в частности. В истории как науке в тот период господствовала либеральная, или, как ее ещё называли, викторианская историческая традиция. В соответствии с ней исторический процесс представлял как поступательное восхождение общества и государства по ступеням прогресса в ходе борьбы старого с новым, как неуклонное расширение цивилизации, демократии и индивидуальной свободы. В рамках этой концепции развивалась теория «бремени белого человека», которая подразумевала просветительскую миссию европейских народов, которые должны были нести отсталым народам Азии достижения современной цивилизации и культуры. Эту концепцию в той или иной степени разделяли все историки различных направлений в историографии того времени.

Кроме того, во второй половине XIX в. продолжалось создание, становление и развитие специализированных научных организаций, которые занимались исследованиями проблем внешней и колониальной политики. В это время изучением британской политики в Центральной Азии начинают заниматься ученые в Кембриджском и Оксфордском университетах. В первой половине XIX в. в этих университетах кафедры новой истории ощущали нехватку преподавателей по истории стран Востока. Со второй половины XIX в. здесь уже были налажены изучение истории стран Востока и публикация трудов ориенталистов. Учитывая важность изучения британской колониальной политики на Востоке, в 80-х гг. XIX в. в Оксфорде была создана кафедра колониальной истории, а при Лондонском университете была открыта школа по изучению Востока. Впоследствии проблемами Востока стали заниматься во многих крупных университетах Великобритании.

Колониальная политика все шире обсуждалась в научных учреждениях, прежде всего занимавшихся изучением Востока, таких как Азиатское общество и Королевское географическое общество. В 60-е гг. XIX в. были организованы новые научные восточноведческие общества, как в Великобритании, так и в Индии.

В 1868 г. в Великобритании был создан Королевский колониальный институт под председательством принца Уэльского. В его рамках была собрана солидная библиотека, он оказывал поддержку разведывательным миссиями и исследовательским экспедициям, сотрудники института устраивали лекции и издавали брошюры с целью вызвать у публики интерес к различным частям обширной британской колониальной державы. В 1886 г. Королевский колониальный институт был переименован в Имперский институт, который играл важную роль в реализации британской внешней и колониальной политики. В конце 60-х гг. XIX в. в Британской Индии была создана Ассоциация Восточной Индии. Важное место в деятельности этих организаций занимали проблемы англо-русских противоречий в Персии и Афганистане.

Наиболее активно обсуждение методов британской политики в Центральной Азии велось в Королевском географическом обществе, которое в 60–70-е гг. XIX в. возглавлял известный ученый-востоковед Г. Роулинсон, одновременно являвшийся директором Королевского азиатского общества. С обществом были связаны такие авторитеты в области британской политики в Центральной Азии, как Р. Мурчисон, Дж. Вуд, Д. Булджер, Дж. Маллесон, С.Д. Литтледед, Ф.Е. Янгхасбенд и многие другие. Это были ученые, вышедшие из числа офицеров и чиновников, долгое время находившихся на службе Ост-Индской компании. Попадая в Индию или сопредельные с ней страны, они занимались изучением Востока, его языков, обычаев, привычек, быта, истории, географии, религии. Британское правительство в Индии активно поощряло эти интересы и активно выступало в качестве организатора научных исследовательских экспедиций в Центральной Азии.

Становление и развитие британской историографии соперничества России и Великобритании в Центральной Азии на первоначальном этапе проходило на фоне противоборства между сторонниками двух школ: «искусного бездействия» и «наступательной политики», которые сформировались в ходе широкой общественно-политической дискуссии по колониальным вопросам в 50–60-х гг. XIX в. В их создании принимали участие видные политические и военные деятели, дипломаты, сотрудники колониальной администрации, путешественники, историки и публицисты. Обсуждение проблем и приоритетов британской политики в Центральной Азии не было просто академической дискуссией, оно во многом отражало и политическую борьбу, стремление повлиять на общественное мнение в Великобритании. Результатом этого стало то, что шаги Британии в Центральной Азии напрямую зависели от быстро меняющейся расстановки сил в регионе.

Сторонники школы «искусной бездеятельности» считали, что Россия не стремится вторгнуться в Индию, так как не имеет ни желания, ни необходимых для этого ресурсов. Исходя из этого, они считали, что не стоит проводить экспансию за пределы Индостана, а влияние Великобритании в Центральной Азии нужно укреплять за счет торговли и дипломатии. Наиболее яркими представителями школы «искусной бездеятельности» были её основатель, вице-король Индии Дж. Лоуренс, премьер-министр В. Гладстон, известные

историки и публицисты В.М. Торнберн, Ф. Тренч, Я.А. Мак-Гахан, Г.Д. Кемпбелл (герцог Аргайл), Г. Ханна. Они заложили научную базу и разработали основные положения данного подхода к британской политике в Центральной Азии. Многочисленные менее известные авторы второй половины XIX в. – Ю. Скайлер, П.Ф. Уолкер, А.Г. Форбс, Э. Белл, Ф. Фишер, М. Моррис, А. Аббот и другие – развивали идеи школы «искусной бездеятельности», способствуя её распространению и укреплению в правительственных кругах и общественном мнении.

Их оппоненты, сторонники «наступательного курса», заявляли о том, что все действия России в Центральной Азии были направлены на то, чтобы создать угрозу Британской Индии. Безусловно, даже самые яркие русофобы не считали, что Россия хочет завоевать Индию, однако они понимали, что Россия может использовать давление на эту колонию для решения вопросов европейской политики, прежде всего в отношении проливов и Стамбула (Константинополя), которые играли важную роль для обеспечения безопасности британских морских коммуникаций из Средиземного моря в Индию. Проникновение России в страны Центральной Азии расценивалось ими как подготовка условий, гарантирующих успех индийского похода: захват военного плацдарма, содержание армии за счет местных ресурсов, пополнение ее рядов воинами-туземцами, обеспечение фронта действий с опорой на договоры, заключаемые с правителями азиатских государств и т.п. «Если Московитам будет позволено укрепиться на границах Индии, наши политические и финансовые трудности возрастут стократно» [8. С. VII]. Поэтому для отражения «русской угрозы» Великобритания должна была применять в Центральной Азии весь арсенал средств, вплоть до прямого военного вмешательства. К сторонникам «наступательной политики» можно отнести Г. Роулинсона, Ч. Мак-Грегора, Дж. Маллесона, Г. Хэмли, Д. Булджера, Ч. Марвина, Ф. Бернаби, а также некоторых менее известных авторов второй половины XIX в., например Г. Белью, Ф. Робинсона, В. Бейкера и др.

В становлении британской историографии соперничества России и Великобритании во второй половине XIX в. особое место принадлежит Дж. Кею. В его основной работе (трехтомный труд «История войны в Афганистане», специально посвященный первой англо-афганской войне) проанализирована политика Великобритании в Центральной Азии и Афганистане в период, предшествовавший войне, и описан ход боевых действий [9]. Главная особенность исследования в том, что в нем впервые сделана попытка комплексного анализа британской политики в Центральной Азии, деятельности представителей британских колониальных властей в Индии, причин британского вторжения в Афганистан и поражения экспедиционных войск. В своей работе Дж. Кей опирался на достаточно солидную источниковую базу, накопленную в первой половине XIX в. В его распоряжении были книги, опубликованные британскими офицерами, которые путешествовали по Центральной Азии (А. Конолли, А. Бернс, А. Шекспир и др.), дневник Э. Поттиджера, который руководил обороной Герата от персов в 1837–1838 гг., многочислен-

ные дипломатические документы и материалы («Синяя книга», переписка А. Бернса и т.д.). В целом можно с уверенностью говорить о том, что обширность и разнообразие использованных и освещенных автором материалов позволяют исследованию Дж. Кея оставаться ценным и в наши дни.

Одним из основоположников школы «искусного бездействия» был Дж. Лоуренс (1811–1879), который в 1863 г. занял пост вице-короля Индии. Его пребывание на этом посту (1863–1869 гг.) совпало с активным и во многом неожиданным для англичан продвижением русских войск в Центральной Азии. Это подстегнуло руководство Британской Индии к обсуждению целей и методов политики Российской и Британской империй, а также к выработке основных принципов политики на северо-западных рубежах Индии. При разработке своей концепции Дж. Лоуренс опирался на солидные источники, так как, находясь в должности вице-короля, имел доступ к секретным документам и материалам разведки, обширной литературе, в том числе и на русском языке, первой половины XIX в.

Принципы своей политики в Центральной Азии, в первую очередь в Афганистане, Дж. Лоуренс сформулировал в Меморандуме 1867 г. Во-первых, он выступал против открытого вторжения в Афганистан. «Независимо от того, войдем мы в Афганистан как друзья или как враги, конечный результат будет одним и тем же. Афганцы не хотят нас видеть. Они опасаются нашего вторжения в их страну. Последствия, связанные с последней афганской войной (Англо-афганская война 1839–1841 гг.), оставили в их сердцах смертельную ненависть к нам. И эти чувства поддерживаются и укрепляются их священниками и вождями» [10. С. 112]. Во-вторых, Дж. Лоуренс считал, что «фундаментальный интерес» России заключается не в захвате Индии, а в консолидации в ее руках тех обширных пространств, которые уже находятся в ее власти.

Таким образом, Дж. Лоуренс считал политику невмешательства в афганские дела наиболее эффективной для обеспечения безопасности Индии. Однако при этом он полагал, что нельзя было позволять России вмешиваться в дела Афганистана или в дела любой другой страны на границе Индии. «Если это произойдет, мы должны дать этой державе понять, что продвижение к Индии может вовлечь её в войну с Англией во всех частях мира» [Там же. С. 112, 227]. Активное продвижение России в Центральной Азии в конце 60-х гг. XIX в. заставило британское правительство пойти на переговоры, главной целью которых было обозначение пределов этого продвижения. В качестве условной пограничной линии между Бухарским эмиратом, который стал в 1868 г. вассалом России, и Афганистаном англичане предлагали реку Амударья. Однако сложность определения точных границ и недостаток информации о реальном соотношении сил в регионе не позволили сторонам прийти к окончательному соглашению. Однако принципы, заложенные Дж. Лоуренсом, оставались основным трендом во внешней политике британских властей Индии до конца 70-х гг. XIX в.

После начала второй англо-афганской войны Дж. Лоуренс открыто выступил против нее и объединил сторонников «искусного бездействия» в так назы-

ваемый Афганский комитет, который открыто заявил: «Мы считаем эту войну несправедливой, а политику, приведшую к ней, – неумной и опасной для нашего владычества в Индии» [11. С. IX].

Важнейшую роль в развитии школы «искусного бездействия» и становлении британской историографии «Большой игры» сыграл видный политический деятель и крупный ученый Джордж Дуглас Кемпбелл (герцог Аргайл) (1823–1900). Он активно занимался политической деятельностью, с 1847 г. был членом палаты лордов и ярким сторонником либералов. В первом кабинете Гладстона в 1868–1874 гг. занимал должность министра по делам Индии. В период, когда пост министра по делам Индии занимал Б. Дизраэли (1874–1880 гг.), герцог Аргайл выступал как видный критик центральноазиатской политики консерваторов. Он писал: «Россия не стремится овладеть Индией, а желает образовать в этой части “большое место”, которое может доставить нам неприятности в случае... политических осложнений» [12. С. 5]. При этом герцог Аргайл отрицал агрессивный характер русской внешней политики: «В Азии Россия не только сравнительно цивилизованная держава, но она единственная держава, которая может там спасти миллионы человеческих существ от всех видов и степеней варварства» [Там же], развивал идею Афганистана как буферного государства и отмечал, что следует создать «одно мелкое государственное образование с центром в Кандагаре, состоящее из племен, базирующихся вблизи этого города, аналогичное государство с центром в Газни, объединяющее народы иранской национальности, третье – с центром в Кабуле и т.д.» [13. С. 69].

В то же время герцог Аргайл полностью не исключал возможность войны с Россией и считал, что если бы обострение англо-русских противоречий привело к войне, то удобнее было бы вести борьбу с помощью армии, направленной из Индии, на афганской территории. «Такая политика будет достаточно понятна и заманчива, – писал он, – но это дорогостоящая и рискованная политика. Я выдвигаю ее лишь как исключительную, к которой можно обратиться в самый последний момент. Сам я полностью за экономию, мир и спокойствие и за удержание Индии до тех пор, пока мы не будем в состоянии ею владеть без применения далеко идущих проектов за индийскими границами» [13. С. 82].

В конце 60-х гг. XIX в. заметно активизировались и сторонники «наступательного курса». Их идейным вдохновителем стал Г. Роулинсон (1810–1895 гг.). Во время своей службы в Ост-Индской компании он был политическим представителем в Кандагаре и Багдаде, затем исполнял обязанности статс-секретаря по делам Индии, был депутатом парламента, а в 1859 г. был назначен посланником в Персию. По возвращении в Лондон в 1860 г. он вновь занялся парламентской деятельностью и получил известности как активный пропагандист антирусской политики в Центральной Азии. В 1868 г. Г. Роулинсон снова был назначен статс-секретарем по делам Индии, оставаясь на этом посту до конца жизни. Кроме этого, он активно участвовал в работе Королевского географического общества, а затем занял пост его директора. Г. Роулинсон изложил программу «наступательного курса» в Меморандуме

1868 г. Первоначально этот документ был задуман как выступление в палате общин. Однако в то время позиция, сформулированная в этом докладе, не отвечала духу внешнеполитического курса правительства. Г. Роулинсон не получил слова, но его текст был размножен и роздан членам парламента. В Меморандуме Г. Роулинсон высказывался по узловым проблемам международных отношений в Центральной Азии: по вопросам англо-русского соперничества, политики России и Великобритании в Афганистане, Персии и других странах Центральной Азии. Позднее Меморандум 1868 г. был включен в книгу «Англия и Россия на Востоке» – сборник статей, написанных им в разные годы и опубликованных в журнале «Quarterly Review».

В своем Меморандуме Г. Роулинсон писал: «...в интересах мира, в интересах торговли, в интересах нравственного и материального развития можно сказать, что вмешательство в дела Афганистана стало в настоящее время долгом и что умеренные жертвы или ответственность, которые мы возьмем на себя, восстанавливая порядок в Кабуле, окупятся в будущем» [14. С. 146]. Кроме Афганистана, в борьбе Великобритании против распространения влияния России в Центральной Азии Г. Роулинсон большую роль отводил Персии. Он призывал активизировать там английскую политику, с тем чтобы изменить внешнеполитическую ориентацию шаха и склонить его к союзу с Великобританией. «Нам, – писал Г. Роулинсон, – необходимо занять прочное положение в стране и укрепиться таким образом, чтобы иметь возможность сопротивляться давлению со стороны русских. Наши офицеры должны располагать сведениями и занять ведущее место в персидских войсках, как в дни Кристи, Линсея и Харта (британские офицеры, которые в начале XIX в. служили инструкторами в персидской армии). Наличие хорошо снаряженной армии и артиллерии будет свидетельствовать о нашем возобновленном интересе к Персии. Персидские вельможи предпочтут отправлять своих сыновей для получения образования в Лондон... Инвестиции английского капитала в банки, железные дороги, шахты и другие коммерческие предприятия будут предлагаться свободно, если будет создан поддерживаемый нашим руководством продолжительный союз между странами» [Там же. С. 399].

По словам Г. Роулинсона, английская «дипломатическая миссия в Тегеране фактически будет более восточной, чем европейской». Он призывал направить в Персию и Афганистан индийских офицеров, которые обязаны были занять командные посты при дворе и в войсках: «Целесообразнее нанять индийских офицеров, приобщить их к местным обычаям, обучить языку, внушить им, что служба в Персии или Афганистане важна для их карьеры» [Там же. С. 285–288]. Г. Роулинсон тесно связывал события в Центральной Азии и «восточный вопрос»: «Теперь не может быть сомнений в том, что персидская дипломатия является частью Восточного вопроса и, главным образом, зависит от индийской политики. Продвижение России к Индии и ее демонстрации против Кабула и Герата отныне требуют от нас более активного вмешательства... Любые меры обороны, касающиеся Персии или Афганистана, должны быть организованы в Индии и выполняться из Ин-

дии» [Там же. С. 399]. Рассуждая о вероятном столкновении с Россией, Г. Роулинсон писал, что Великобритания «без колебаний возьмется за оружие, если ее правам или интересам будет грозить серьезная опасность либо в Турции, либо в Египте, либо в Центральной Азии» [Там же. С. 262].

Несмотря на столь жесткие заявления Г. Роулинсона, официальная позиция британского и англо-индийского правительств до середины 70-х гг. XIX в. была гораздо более сдержанной. Поэтому ни о каком открытом вмешательстве в дела Афганистана и других стран Центральной Азии не могло быть и речи. Новый вице-король Индии граф Нортбрук, занявший этот пост в 1872 г., не только продолжил политику «невмешательства» в дела Афганистана, но и вообще запретил проведение разведывательных миссий на северо-западной границе Индии. Однако ситуация в Центральной Азии продолжала оставаться напряженной. В 1873 г. русские войска захватили Хиву. Это вызвало острую ответную реакцию со стороны англичан.

«Медленные, но твердые шаги, которыми Россия приближалась к Афганистану, невзирая ни на какие трактаты, злоупотребляя границами и презирая нашу бездеятельность, показали, наконец, английскому правительству как ошибочны были его расчеты», – писал позднее известный британский историк А. Гамильтон [15. С. 9]. К тому же в 1874 г. в Великобритании сменилось правительство: на смену либералам пришли консерваторы, значительную часть которых составляли сторонники «наступательного курса». В 1876 г. граф Нортбрук был заменен активным сторонником «наступательной политики» графом Литтоном. Вице-король Индии граф Литтон (1831–1891) закончил университет Бонна, затем служил на различных дипломатических должностях в США, Португалии и Франции, в свободное время любил сочинять стихи. В то же время на посту вице-короля Индии, на котором он находился с 1876 по 1880 г., проявил себя как жесткий сторонник «наступательной политики».

В 1876 г. граф Литтон писал: «Перспектива войны с Россией очень волнует. Если это случится, то лучше теперь, чем потом. В этой части мира мы в два раза сильнее России и располагаем лучшими базами для нападения и обороны. Вокруг северных границ Индии можно разлить огненное море, подстрекая ханства подняться против их российских хозяев». Позднее он дополнил этот тезис: «Я убежден, что политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять никакого контроля, является ошибкой». Поэтому граф Литтон считал, что «в интересах Индии лучше всего было бы создание западно-афганского ханства, включающего Мерв, Меймене, Балх, Кандагар и Герат, под властью какого-нибудь избранного нами правителя, который зависел бы от нашей поддержки. При наличии созданного таким образом западно-афганского ханства и нашей небольшой базы подле границы в Курамской долине судьбы самого Кабула были бы для нас вопросом, не имеющим значения» [16. С. 246–247].

Таким образом, лорд Литтон открыто призывал к разделению Афганистана и созданию на его территории нескольких зависимых от Великобритании госу-

дарств. Однако в своих рассуждениях он пошел ещё дальше. В специальном меморандуме от 4 сентября 1878 г. граф Литтон предложил занять новую границу Индии, которая должна была идти от Памира по Гиндукушу на Герат, а затем вдоль западной границы Афганистана и Белуджистана к Аравийскому морю [17. С. 100]. Именно при графе Литтоне в 1878 г. началась вторая англо-афганская война (1878–1881 гг.), на первом этапе которой британские войска действовали очень успешно, однако вскоре в стране разгорелись массовые восстания в различных частях страны, в том числе и в Кабуле. В итоге британские войска были выведены из Афганистана.

Вторая англо-афганская война вызвала неоднозначную реакцию в британском обществе. После первых военных успехов сторонники «наступательного курса» праздновали победу и требовали развить успех. Так, известный историк и сторонник «наступательной политики» Д. Булджер призывал к захвату Герата, Балха, Меймене и Файзабада. Причем особое значение он придавал укреплению Герата английской армией. Он предлагал иметь там «пятитысячное вспомогательное войско, сформированное из числа местных жителей, хорошо обученных, дисциплинированных и отчасти находящихся на содержании английского правительства». Оттуда, как он полагал, было бы легче установить контакт с ханствами Центральной Азии, расположенными вдоль границы с Афганистаном, склонить их на свою сторону и настроить против России. Д. Булджер также подчеркивал важность Кандагара: «Как военный город, как политический центр, как ключ к Кабулу, равно как к Герату, и как дурранийская столица, Кандагар для нас важный пункт» [18. С. 69].

Кроме Афганистана Д. Булджер большое внимание уделял положению дел в Персии, в которой к концу 70-х гг. XIX в. позиции России серьезно усилились. Д. Булджер писал: «Опасность Индии от ее господства в Персии никогда не была большей, чем в настоящее время» [Там же. С. 119]. Д. Булджер призывал к проведению активной «наступательной политики» не только в Афганистане, но и в Персии: «...если мы не обеспечим проникновения англичан в армию, если мы не заставим шаха и его министров противиться планам России, мы, конечно, упустим единственное средство, при помощи которого можно сохранить нашу власть в Персии» [Там же. С. 219]. Он подчеркивал, что «присоединение армянских крепостей и Батумского залива предоставило России новую линию продвижения к персидской столице и Герату» [19. С. 209].

Значительное внимание различным аспектам соперничества России и Великобритании в Центральной Азии в середине 80-х гг. XIX в. уделял Джордж Брюс Маллесон (1825–1898) – британский офицер, автор многих исторических и публицистических трудов. Он написал «Историю Афганистана», закончил труд уже упоминавшегося известного историка Дж. Кея о событиях в Индии 50-х гг. XIX в. Его книга «История индийского восстания», выпущенная в 1891 г., была завершающим томом работы Дж. Кея «История сипайской войны». Кроме этого, Дж. Маллесон – автор многочисленных специальных работ, посвященных проблемам англо-русских противоречий в Центральной

Азии. Они были весьма популярны в то время и хорошо известны не только английскому, но и русскому читателю. В прессе обеих стран имелись отклики на его книгу «Герат: житница и сад Центральной Азии». Дж. Маллесон считал, что захват англичанами Герата имеет огромное значение для обороны Индии. Он был уверен, что несколько лет британского администрирования будет достаточно, чтобы сделать Герат административным центром Афганистана, наподобие Бенгальской провинции в Индии. Это значит, что Герат будет платить за оккупацию Афганистана и принесет еще доход в казну. Дж. Маллесон поддерживал идею о создании в Герате сепаратного государства, а также настаивал на том, чтобы навязать афганским властям британских агентов в каждом крупном пункте Афганистана и придерживаться курса на расчленение Афганистана. При этом Дж. Маллесон прямо говорил о возможности использовать в британских интересах племенную рознь и противоречия внутри афганского общества [20. С. 45–48].

Другим интересным автором того времени был Ф. Тренч (1832–1890), который семь лет прослужил на афгано-индийской границе. Содержание английской политики в Центральной Азии он понимал как «усиление английского влияния в странах, которые находятся между Индией и русскими границами», т.е. в Афганистане, Персии и Восточном Туркестане. Он считал необходимым добиться допуска на эти территории английских агентов. В целом необходимо отметить, что взгляды Ф. Тренча со временем претерпели значительную эволюцию. Так, в период правления Гладстона Ф. Тренч поддерживал его политическое кредо, а во время пребывания Гладстона в оппозиции критиковал внешнюю политику либералов. В 80-е гг. XIX в., во время усиления сторонников Дизраэли в английском парламенте, поддерживавших концепцию «империи», Ф. Тренч так же, как и они, писал, что задача Великобритании в Афганистане требовала «активного вмешательства», и в связи с этим предлагал ряд мер военно-политического характера: занять дороги, ведущие в Индию, укрепиться в Афганистане, чтобы обеспечить Великобритании достаточно прочные позиции. Наряду с этим он предлагал провести ряд подготовительных мер в Индии: соединить железную дорогу между Лахором, Калькуттой и Пешаваром, увеличить военный гарнизон в Пенджабе.

Обращаясь к исследованию той стороны англо-русских противоречий в Центральной Азии, которая была связана с оценкой значения для политики Великобритании продвижения России в регионе, Ф. Тренч отмечал, что именно стремление России «оказывать давление на Британию во внешнеполитических вопросах, используя так называемый “среднеазиатский узел”, заставляло ее концентрировать свои войска на туркестанской границе и создавать видимость формирования “армии наблюдения” в районах, близких к британским владениям в Индии» [21. С. 170]. В то же время изучение экономического, политического и военного положения России позволило ему сделать вывод о нереальности «русской угрозы» Индии и о том, что Российская империя не могла, по существу, осуществить наступательные действия в Индии. Ф. Тренч писал, что «Рос-

сия, хотя и является соперницей Англии в Азии, должна все более довлеть над Индией, но в ближайшие годы она не сможет занять такую позицию, которая дала бы повод к серьезному беспокойству для Англии. Любое реальное вторжение в Индию можно ещё долгие годы считать лишь вероятной случайностью, но государственные деятели России... никогда... серьезно не предусматривали осуществление такого трудного и очень сомнительного предприятия» [Там же].

Значительное место в британской историографии соперничества России и Великобритании в Центральной Азии занимает Генри Б. Ханна (1839–1914), служивший в частях англо-индийской армии. Служба в армии позволила ему основательно изучить подступы к северо-западной границе Индии со стороны Афганистана, а также условия движения войск через Афганистан. Г. Ханна дал подробное описание англо-афганской войны 1878–1880 гг., пытаясь вскрыть ее причины, ход и последствия. Свою точку зрения по проблемам английской политики в Центральной Азии он изложил в трех томах, объединенных общим названием «Индийские проблемы». Главной задачей Г. Ханны было отнюдь не отражение политики какой-либо из британских партий, а обоснование стремления сохранить незыблемость Британской колониальной империи. Весьма показательно, что такие люди, как Г. Ханна, фактически опровергали идеи о реальности русского вторжения в Индию. Опираясь на опыт своей военной службы в Центральной Азии, Г. Ханна пришел к выводу о том, что Россия не сможет осуществить вторжение в Индию. Он писал: «Русское правительство... навсегда отвергнет фантазию вторжения в Индию и станет думать о косвенных способах, как повредить нам и подорвать нашу власть на Востоке, или более частных мерах, с помощью которых будут установлены мир и доброжелательные отношения между двумя великими державами...» [22. С. 90].

Так же как большинство британских исследователей данной темы, Г. Ханна считал целесообразным превращение Афганистана в буферное государство. Он видел в создании «афганского буфера» прежде всего военную выгоду и утверждал, что, «приняв этот курс, мы присовокупим к уже существующим трем линиям обороны нашей индийской империи на северо-западе еще и четвертую в лице поистине дружественного нам Афганистана, и в случае войны с Россией и, возможно, некоторыми другими европейскими державами, когда мы сможем усилить англо-индийский гарнизон за счет туземной армии, мы спокойно отразим опасность, грозящую нам в Восточной Азии или Африке» [23. С. 16]. Местное население предполагалось использовать как источник для формирования отрядов, которые пополнят британскую армию. Эти отряды должны быть «укомплектованы исключительно населением той местности, где утвердились мы», и во главе их должны быть не английские офицеры, а вожди местного населения, тогда эти отряды станут хорошей подмогой британской регулярной армии» [Там же. С. 120]. Таким образом, Г. Ханна, не исключая войну с Россией, рекомендовал вынести оборону Индии как можно дальше от ее границ и вести «военные действия за ее пределами, возможно, в Афганистане и Средней Азии», а так-

же призывал подчинить все пограничные с Индией племена, с тем чтобы в минуту опасности они не «оказали сопротивления англичанам». Давая такую трактовку обороны Индии, Г. Ханна не исключал также и возможности оккупации буферного государства. Он считал целесообразным предложить афганскому эмиру военную помощь, чтобы, навязав ему военно-политический союз, Великобритания могла бы рассматривать «любое агрессивное действие против территории ее союзников как акт враждебный» [Там же], направленный также против Великобритании, влекущий за собой военное вторжение на территорию Афганистана.

Особое место в британской историографии англо-русского соперничества в Центральной Азии занимает один из наиболее видных идеологов политики Великобритании в Центральной Азии на рубеже XIX–XX вв., крупнейший политический деятель того времени Дж. Керзон (1859–1925). Он получил образование в Итоне и Оксфордском университете. В 1886 г. был избран в парламент по списку консерваторов, много путешествовал по Центральной Азии: был в Закаспийской области (1888 г.), Персии (1889–1890 гг.) и Афганистане, на Памире. Целью его первой поездки в Центральную Азию в 1888 г. было «изучить на месте военное и иное значение Среднеазиатской железной дороги, в том числе для обороны Индии» [24. С. 47]. Результатом его поездки явилась книга «Россия в Центральной Азии». Своей книгой Дж. Керзон хотел «пробудить британское общественное мнение от недостойной лести, привлекая внимание к замыслам России в отношении благосостояния и безопасности» [25. С. 110].

Лорд Керзон описывал продвижение России в Центральной Азии: «Я считаю, что непреодолимая сила влечет Россию к Персидскому заливу, Кабулу и Константинополю. К югу от определенной линии в Азии ее будущее в большей степени зависит от наших, чем от ее собственных действий». Описывая успехи России в строительстве стратегически важной Закаспийской дороги, Дж. Керзон предложил начать строить железную дорогу из Индии в Афганистан, считая, что «железная дорога является менее всего агрессивным, самым дешевым и выгодным средством противодействия русской угрозе Индии» [26. С. 101–102]. Лейтмотивом всех трудов Дж. Керзона является мысль о необходимости обороны индийских границ. Он заявлял, что «безопасность Индии должна быть главной целью нашей политики». «Я верю, что мы были бы рады истратить все снаряды Вульвичского арсенала и что каждое английское семейство с готовностью отдало бы своего сына, чтобы не допустить вступления врага на индийскую землю», – писал Дж. Керзон [27. С. 180–181, 189]. В 1891–1892 гг. он занимал пост заместителя министра по делам Индии; в 1892 г. опубликовал книгу «Персия и персидский вопрос», в которой отразил свое мнение о ситуации в Персии и влиянии там России и Великобритании. Дж. Керзон в 1895 г. стал заместителем министра иностранных дел, а в 1898 г. был назначен вице-королем Индии и получил титул барона Керзона Кедльстонского. В 1905 г. Дж. Керзон ушел в отставку. По возвращении из Индии занял место в палате лордов и пост ректора Оксфордского университета, в 1915 г. во-

шел в коалиционный кабинет Г. Асквита. При Д. Ллойд Джордже стал лордом президентом Тайного совета, а затем одним из четырех министров военного кабинета. В 1919 г. Дж. Керзон занял пост министра иностранных дел и оставался на нем вплоть до 1924 г.

Говоря о политических причинах «Большой игры» в районах, примыкающих к английским владениям в Индии, Дж. Керзон писал в 1889 г.: «Заставлять Англию вести сдержанную политику в Европе путем непрерывного принуждения ее к действиям в Азии – вот вкратце сумма и суть русской политики...» Однако оставаясь до конца жизни ярым и последовательным противником России, Дж. Керзон не считал, что русский «поход в Индию» является реальностью. «Я не думаю, – писал он, – что хотя бы один человек в России, за исключением нескольких умствующих теоретиков, да иногда появляющихся тут и там полуненормальных капралов, когда-либо всерьез мечтал о завоевании Индии» [28. С. 320–321].

Северо-западную границу, которая в конце XIX – начале XX в. являлась беспокойным регионом, Дж. Керзон считал важнейшим элементом укрепления обороны Индии. «Несмотря на то, что владения империи соприкасаются со многими тысячами миль пограничной линии, в глазах общественного мнения Англии приобретает исключительное значение лишь одна граница в Центральной Азии от Памира до Персидского залива. Здесь скрывается ахиллесова пята нашей империи, здесь она наиболее уязвима. Но и здесь же покоится опора старинной Англии, обретающей себе в Индии защиту как за железной стеной» [29. С. 47]. Другим важным элементом обороны Индии Дж. Керзон рассматривал Персию: «Персия – расположенная по со-

седству с Афганистаном и Белуджистаном, играет весьма важную роль в азиатской политике Великобритании, цель которой обеспечить неприкосновенность Индии и открыть новые рынки для сбыта индийских товаров» [30. С. 585]. В начале 90-х гг. XIX в. в России обсуждался вопрос о получении незамерзающего порта в Индийском или Тихом океане. В качестве наиболее вероятного варианта рассматривался один из портов в Персидском заливе. Дж. Керзон был яростным противником подобных проектов. Он писал: «Я рассматривал бы уступку любого порта в Персидском заливе России как умышленное оскорбление Великобритании, как безответственное нарушение статус-кво и как преднамеренную провокацию к войне. Я обвинил бы любого британского министра, который допустил бы это, в предательстве страны» [Там же. С. 585, 593].

Подводя итоги, стоит отметить, что проблема политики на северо-западной границе Британской Индии занимала важное место в британской колониальной историографии того периода. Вне зависимости от принадлежности к одной из школ («искусного бездействия» или «наступательной политики») она рассматривалась британскими историками, политиками и дипломатами конца XIX в. в первую очередь с точки зрения обеспечения безопасности британских колониальных владений. Все остальные аспекты внешней политики: экономика, торговля, транспорт и коммуникации – были подчинены одной-единственной задаче. Эта задача заключалась в обеспечении стабильности на северо-западных рубежах Индии, которая носила гордое имя «Жемчужина в короне Британской империи».

ЛИТЕРАТУРА

1. Юлдашбаева Ф.Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80-е годы XIX в.). Ташкент, 1963.
2. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в средней Азии в конце XIX века. Ташкент, 1969.
3. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965.
4. Маннанов Б.С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке // Против буржуазных фальсификаторов : сб. ст. М., 1983. С. 51–75.
5. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке: XIX – начало XX в.: анализ внешнеполитических концепций. М., 1990.
6. Кожекина М.Т., Федорова И.Е. Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М., 1989.
7. Сили Дж., Крэмб Дж. Британская империя. М., 2004.
8. *Russia's march towards India*. L., 1894. Vol. 1.
9. Kaye J.W. A History of the War in Afghanistan. L., 1851–1857. Vol. 1–3.
10. Morgan G. Anglo-Russian rivalry in Central Asia 1810–1895. Padstow, 1981.
11. *Causes of the Afghan War*. Being a Selection of the Papers Laid before Parliament. L., 1879.
12. Argyll G. The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878 and the Second Afghan War. L., 1879.
13. Argyll G. The Afghan Question from 1841 to 1878. L., 1879.
14. Rawlinson H. England and Russia in the East. L., 1875.
15. Гамильтон А. Афганистан. СПб., 1908.
16. Balfour B. The History of Lord Lytton's Indian Administration. L., 1899.
17. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959.
18. Bougler D. England and Russia in Central Asia. L., 1879.
19. Bougler D. Central Asian Questions: Essays on Afghanistan, China and Central Asia. L., 1885.
20. Malleson G. Herat: the Granary and Garden of Central Asia. L., 1880.
21. Trench F. The Russo-Indian question. L., 1873.
22. Hanna H.B. Backwards or Forwards? L., 1896.
23. Hanna H.B. Can Russia Invade India? L., 1895.
24. Mosley L. The Glorious Fault. The Life of Lord Curzon. L. ; N.Y., 1960.
25. Халфин Н.А. Дж. Керзон в Российской Средней Азии // Вопросы истории. 1988. № 3.
26. Curzon G. Russia in Central Asia. L., 1889.
27. Керзон Дж. Индия между двумя огнями // Сборник материалов по Азии. СПб., 1893. Вып. LIV.
28. Curzon G. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L. ; N.Y., 1889.
29. Керзон Дж. Персия и персидский вопрос // Сборник материалов по Азии. СПб., 1892. Вып. LII.
30. Curzon G. Persia and the Persian Question. L., 1892. Vol. 2.